

ратуры, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимией и т. п.

Следует учитывать и то, что формирование общесоветской культуры сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио и телевидения, центральной печати и книгоиздания и т. д.). Советские социалистические нации и народности сближаются также благодаря единой системе просвещения, всесоюзной системе подготовки кадров специалистов, общей системе медицинских учреждений и учреждений культуры, деятельности всесоюзных творческих союзов и др.

Общесоветская духовная культура — это общая система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских наций, но и достижений современной мировой культуры, прежде всего культуры дружественных социалистических государств (главным образом через посредство русского языка или — шире — русскоязычной культуры). Эта общая культура — один из важнейших компонентов новой социальной и интернациональной общности — советского народа.

Таким образом, важнейшая сторона этнокультурных процессов в нашей стране, в том числе и среди народов, входящих в финно-угорскую группу уральской семьи языков, — это все большее сближение этносов в масштабах всей страны. Другая сторона этих процессов у финно-угорских народов (как и у всех этносов страны) — сохранение и развитие национальной культуры. Этот двуединый процесс развития и сближения этносов — народов СССР проявляется также в сфере социальной психологии, общественного сознания. Происходит одновременное усиление как национального самосознания, так и сознания принадлежности к советскому народу — общесоветского патриотизма.

В. В. Коротева

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОЖДАЕМОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОРОДА (на примере Ташкента)

Различия в рождаемости у народов СССР в ряде случаев отражают два существующих типа репродуктивного поведения. Если у большинства населения страны переход к сознательно планируемой рождаемости завершился или происходит интенсивно, то в Средней Азии у коренных национальностей преобладает «традиционный» тип рождаемости, т. е. не ориентированный на определенное число детей.

Сохранению многодетности в этом регионе способствуют относительно невысокий уровень урбанизации, территориальной мобильности, малое участие женщин в общественном производстве, существование значительного числа неразделенных семей. Перспектива снижения рождаемости в Средней Азии как проявление общей закономерности социально-демографического развития общепризнана в советской науке. Статистические сведения и данные выборочных исследований свидетельствуют о начале этого процесса¹.

Однако в литературе нет единства мнений о темпах процесса и современной демографической картине в регионе. Реальное репродуктив-

¹ Ата-Мирзаев О. Б. Актуальные задачи комплексного исследования региональных проблем народонаселения Средней Азии. — В кн.: Региональные демографические исследования. Ташкент, 1978; Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977; Вишневский А. Г., Ханазаров К. Х. Демографическое развитие республик Средней Азии в послевоенные годы. — В кн.: Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М.: Институт социологических исследований (ИСИ), 1984, и др.

ное поведение изучено недостаточно, а статистические показатели не всегда адекватно реагируют на резкие изменения в рождаемости. В исследованиях должны учитываться разные группы населения, в различной степени затронутые процессом перестройки репродуктивного поведения.

Формирование «современного» типа рождаемости (с регулируемым числом рождений) отмечено у некоторых групп коренного населения крупных, в особенности столичных, городов Средней Азии. Не случаен поэтому интерес исследователей к урбанизированным центрам, которые по своим демографическим тенденциям опережают регион в целом и в которых поэтому наиболее выпукло выражается направление его развития.

Ташкент с этой точки зрения — наиболее благоприятный объект для изучения. Это крупнейший город Средней Азии: его население в 1985 г. превысило 2 млн. чел., он выделяется среди городов среднеазиатского региона своим социально-экономическим, научным и культурным потенциалом. По переписи 1970 г., 37,1% населения города составляли узбеки, 40,8 — русские, 7,1 — татары, 15% — представители разных среднеазиатских народов, корейцы и др. В последующие годы соотношение численности узбекского и русского населения существенно не изменилось. Значительная доля в Ташкенте русских и представителей других народов европейской части страны, ориентирующихся преимущественно на малодетность, приводит к заметной этнической дифференциации рождаемости в рамках города.

Рождаемость у разных этнических групп Ташкента не была предметом специального изучения. В 1976 г. проблемной научно-исследовательской лабораторией народонаселения Ташкентского государственного университета в городе было проведено обследование многодетных женщин (с четырьмя и более детьми). При этом русские и украинцы составили 2,4% опрошенных, татары — 3%². Изучение демографических процессов среди выходцев из европейской части страны представляет самостоятельный интерес, позволяя выяснить, изменяется ли их репродуктивное поведение под воздействием иноэтнической среды, в которой преобладает многодетность. Помимо расширения объекта исследования такое изучение дает возможность по-новому рассмотреть эволюцию рождаемости у коренного населения и приблизиться к пониманию сущности современных различий в рождаемости у разных народов. Обычно в обобщающих демографических трудах сопоставляются народы, живущие на своей этнической территории³. Хотя при этом сравниваются однотипные поселения (село, город, города разного размера), выделить собственно этнические причины указанных различий невозможно, так как кроме них на демографические процессы влияет множество иных факторов (например, особенности экономики населенного пункта, его социальной инфраструктуры, истории развития и др.). В единой же городской среде этносоциальные факторы выступают в наиболее чистом виде. Они проявляются в национальных особенностях городского образа жизни, которые включают структуру занятости, тип жилища (отдельный дом с участком, многоквартирные дома), характер родственных и соседских отношений, а также общепринятые нормы, ценностные ориентации. Мы стремились эмпирически проверить влияние указанных факторов.

Объяснение особенностей современного репродуктивного поведения у разных народов этническими традициями, на наш взгляд, лишь указывает на направление поиска. Традиции многодетности бытовали в прошлом почти у всех народов мира. Их появление и отмирание в опре-

² См.: Ата-Мирзаев О. Б. Многодетная женщина: социально-демографический анализ. — В кн.: Женщина на работе и дома. М.: Статистика, 1978; Каштаненкова И. И. Социально-демографический анализ многодетных женщин г. Ташкента. — В кн.: Региональные демографические исследования.

³ См., например, Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983.

деленный исторический период не связано с особенностями этнической культуры. Однако специфические условия жизни народов сказываются на темпах перехода от многодетной семьи к малодетной⁴. В нашем случае различная степень сохранения традиций в крупном городе связана с особенностями освоения городской среды разными этническими группами. Эти особенности и стали предметом изучения, что определило методику нашего исследования — этносоциологический подход к такой традиционной демографической теме, как рождаемость.

Для характеристики этнодемографической ситуации в Ташкенте мы воспользовались двумя основными источниками. В 1986 г. нами был проведен опрос 256 замужних женщин разных национальностей, работающих на предприятиях и в учреждениях города. Привлечение женщин коренных национальностей Средней Азии к общественному производству является одной из актуальных экономических проблем и, как можно предполагать, должно сказаться на демографической ситуации в регионе. Поэтому реальное совмещение производственной и семейной ролей женщинами-узбечками и влияние этого совмещения на их репродуктивное поведение представляет значительный интерес.

Были собраны данные о женщинах, занятых в наиболее типичных «женских» отраслях — текстильной и швейной промышленности, а также в здравоохранении, которые, кстати, в наибольшей степени привлекают женщин коренных национальностей. Опрошены 94 узбечки, из них работниц — 54, служащих со средним и средним специальным образованием — 11, служащих с высшим образованием — 29 (немногочисленность второй категории объясняется тем, что на промышленных предприятиях узбечки слабо представлены в сфере учета и управления), далее — 102 русские женщины, из них соответственно по категориям 36, 37 и 29. Помимо этих представительниц двух наиболее многочисленных национальностей города среди опрошенных были 23 татарки, 15 женщин ряда коренных национальностей Средней Азии, 10 кореянок и др. Поскольку кроме узбечек и русских число лиц разных национальностей, попавших в выборку, невелико, в статье приведены демографические сведения лишь о татарках, причем без дифференциации по социальным группам. Строго говоря, выборочная совокупность представительна не для всего населения города, а только для обследованных предприятий и позволяет сравнивать однородные социальные группы среди женщин разных национальностей.

Кроме опроса были использованы первичные материалы загов о рождениях. Если в этнографии и этносоциологии записи актов о браках стали признанным источником, то этого нельзя сказать о записях рождений. В собственно демографических работах они также используются редко⁵. Централизованная разработка этих записей ведется по узкому кругу вопросов: число рождений по возрасту матери с учетом ее национальности, а также число рождений в семьях, где отец принадлежит к другой национальности. Обращение к первичным записям актов о рождениях дает возможность ввести в исследование дополнительные сведения о том, каким по счету ребенок родился у матери определенного возраста, какова национальность родителей, уровень их образования, профессия, длительность брака⁶. Нами выборочно проанализированы запи-

⁴ См. Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977, с. 119—122, 139.

⁵ Они применены в следующих работах: Сысенко В. Дифференциация рождаемости в крупном городе. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М.: Статистика, 1974; Тольц М. Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе. — Там же; Тольц М. С., Оберг Л. П. Дифференциация отдельных компонентов рождаемости на ранних этапах формирования семьи. — В кн.: Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983.

⁶ Указанный источник является уникальным для выяснения того, какая часть общего числа рождений приходится на разные возрастные, национальные, социальные группы, а также на группы, выделенные по уровню образования, и, наконец, для получения данных о рождаемости в незарегистрированных браках. Подробнее см. Коротеева В. В. Материалы загов как источник для изучения рождаемости в нацио-

си актов о рождениях по пяти районам Ташкента за 1980 г. (всего просмотрено около 20 тыс. актов). Представительность именно этих районов с точки зрения национальной и социальной структуры населения города была обоснована при составлении выборки этносоциологического исследования⁷.

Оба охарактеризованных источника позволяют изучать рождаемость в городе одновременно по этническим и социальным (т. е. этносоциальным) группам.

В крупном городе проявляется тенденция стирания различий в репродуктивном поведении у разных социальных групп, формирования общих для всего населения норм⁸. Этот вывод был сделан на материалах регионов, население которых перешло к системе малодетной (одно-, двухдетной) семьи. Исследования проводились преимущественно в однонациональных городах или городах, население которых, различное по национальной принадлежности, имеет один и тот же тип рождаемости (например, в Риге)⁹. В Ташкенте же необходимо учитывать не только социальные, но и этнические различия, так как здесь и те и другие могут быть различиями и в типе репродуктивного поведения.

В Ташкенте существуют различия в структуре занятости женщин разных национальностей, поэтому для характеристики демографических процессов у той или иной национальности в целом необходимо рассмотреть все социальные группы, типичные для нее в настоящее время (а также не занятых в общественном производстве, которые среди узбеков составляют значительную долю). Мы преследуем иную цель: сравнить у разных национальностей группы, характерные для структуры современного социалистического города (у женщин коренных национальностей Средней Азии эти группы находятся в стадии формирования). Реальные процессы, происходящие в этих группах, вскрывают перспективу этнодемографического развития в целом.

Наш анализ проводится на микроуровне, т. е. на уровне семьи, причем только однациональной (рождаемость в национально-смешанных семьях представляет особую тему). Одной из демографических характеристик семьи является число детей. Как принято в практике демографических исследований разных когорт (по возрасту, времени вступления в брак), в качестве обобщающей характеристики рождаемости берется понятие «ожидаемое число детей»¹⁰. Для тех супружеских пар, у которых процесс формирования семьи завершился, это число совпадает с фактическим; для тех, у которых этот процесс не завершился, т. е. планируется рождение детей, оно складывается из фактического и еще ожидаемого. Желаемое число детей в большей степени, чем ожидаемое, отражает индивидуальное предпочтение и эмоциональное отношение к семье с разным числом детей и, как правило, является верхней границей детности семьи.

Нами были опрошены женщины до 45 лет и выделены лишь две возрастные группы: до 30 лет, 30 лет и старше, так как при более дробном возрастном делении и учете этносоциальных характеристик в каждой группе оказалось бы менее 10 человек (табл. 1).

нально-смешанных браках.— В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». Махачкала, 1985.

⁷ Гинзбург А. И., Кондратьев В. С. К методике этносоциологического исследования городского населения.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР, 1979. М.: Наука, 1983.

⁸ См.: Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981, с. 65—81; Демография и экология крупного города. Л.: Наука, 1980, с. 9—10; Урбанизация и демографические процессы. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 48—74.

⁹ См. Факторы и мотивы демографического поведения. Рига: Зинатне, 1984, с. 109, 113.

¹⁰ «Ожидаемое число детей» — число детей, которое индивид собирается иметь, учитывая конкретную жизненную ситуацию и личные предпочтения. Подробнее см. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985, с. 297—298.

Таблица 1

Среднее желаемое и среднее ожидаемое женщинами Ташкента число детей
в зависимости от возраста, национальности и социального положения *

Возраст женщин	Узбеки				Русские				Татарки
	социальные группы **								
	1	2	3	все группы	1	2	3	все группы	
Среднее желаемое число детей									
До 30 лет	3,47	3,33***	3,46	3,45	2,44	2,27	2,48	2,41	2,67
30 лет и старше	2,85***	3,40***	3,55	3,37	2,08	2,36	2,67	2,37	2,55
Всего	3,29	3,37	3,49	3,42	2,30	2,04	2,55	2,39	2,61
Среднее ожидаемое число детей									
До 30 лет	3,24	3,33***	3,46	3,38	2,13	2,21	2,27	2,24	2,42
30 лет и старше	2,85***	3,00***	3,44	3,23	2,00	2,04	2,33	2,13	2,45
Всего	3,13	3,18	3,45	3,33	2,07	2,11	2,32	2,17	2,43

* Здесь и далее, если это специально не оговорено, таблица построена на основе данных опроса.

** В графе «социальные группы»: 1 — служащие с высшим образованием, 2 — служащие со средним и средним специальным образованием, 3 — рабочие.

*** Число наблюдений меньше 10.

В более молодом возрасте (до 30 лет) желаемое число детей у всех трех национальностей и ожидаемое у русских и узбечек выше, чем в более старшем. Это несколько неожиданный результат, который, казалось бы, может свидетельствовать о возрастании рождаемости у младшего поколения. Однако динамика в разных социальных группах противоречива. Работницы независимо от национальности и хотели бы и собираются иметь в среднем больше детей, чем служащие. Но желаемое число детей у них (а у русских и ожидаемое) в младшей возрастной группе меньше, чем в старшей. Среди служащих с высшим образованием с возрастом происходит обратный процесс — пересмотр представлений о желаемом числе детей в сторону уменьшения. В возрасте до 30 лет женщины этой социальной группы в ряде случаев считали желаемой семью с большим числом детей, чем женщины других групп. В старшем же возрасте в связи с учетом реальных жизненных условий, в которых складывается семья, служащие с высшим образованием не только собираются, но и желают иметь детей меньше, чем в младшей возрастной группе.

У служащих со средним и средним специальным образованием и в старшем возрасте желаемое число детей отражает скорее эмоциональное отношение к детности семьи, чем реальную ситуацию. В то же время ожидаемое ими число детей и фактически имеющееся мало отличается от числа детей в семьях служащих с высшим образованием.

Для женщин с высшим образованием наиболее характерны потребность дать детям дополнительное (помимо обязательного) образование, стремление к повышению собственной квалификации, профессиональному росту, т. е. обстоятельства, воздействие которых уже не воспринимается как внешняя помеха в реализации существующей потребности в детях, но приводит к уменьшению самой этой потребности, показателем которой и является желаемое число детей (под внешними помехами имеются в виду материальные, жилищно-бытовые и другие условия, которые в демографии традиционно рассматриваются в качестве причин, ограничивающих число детей в семье). На наш взгляд, именно этим можно объяснить несколько необычное соотношение желаемого и ожидаемого числа детей в разных возрастных группах.

При сходных тенденциях в аналогичных социальных группах количественное различие в уровне детности между отдельными этносоциальными группами и национальностями в целом остается значительным. Даже у узбечек с высшим образованием как желаемое, так и ожидаемое число детей выше, чем у русских женщин-работниц (а у них это

Желаемое и ожидаемое женщинами Ташкента число детей (процент к опрошенным)

Националь- ность	Число детей					
	0	1	2	3	4	5 и больше
Желаемое число детей						
Узбечки	—	—	20,0	31,1	36,7	12,2
Русские	—	4,0	55,0	39,0	2,0	—
Татарки	—	4,3	43,5	43,5	4,3	4,3
Ожидаемое число детей						
Узбечки	4,3	—	22,3	31,9	30,9	10,6
Русские	5,0	8,9	63,4	22,8	—	—
Татарки	—	4,4	52,2	39,1	4,4	—

число наибольшее среди русских). В настоящее время этнические различия в репродуктивном поведении в Ташкенте (между узбечками и русскими) более выражены, чем социальные.

Наряду со средними значениями желаемого и ожидаемого числа детей наглядную картину этнодемографической ситуации дают конкретные числа, названные женщинами разных национальностей (табл. 2).

Итак, «мода»¹¹ желаемого числа детей среди узбечек — четыре. Интересно, что большой процент узбечек желает иметь двух детей. Ориентация части узбечек (а именно части работников вузов) на малодетную семью в научной литературе зафиксирована¹². По имеющимся у нас данным, подобное явление в Ташкенте присуще и другим социальным группам узбеков. Местное русское население на это уже обратило внимание. Во время экспериментального опроса, проведенного при нашем участии среди русских Ташкента в 1985 г. по теме «Адаптация русских в городах Узбекистана» (руководитель А. И. Гинзбург), были получены сведения нестатистического характера об этнодемографической ситуации в городе. Большинство опрошенных отмечало, что уровень детности в молодых узбекских и русских семьях выравнивается, однако при этом указывалось, что имеются в виду нетрадиционные узбекские семьи (молодежь живет отдельно от родителей, быт семьи европеизирован — женщина присутствует при приеме гостей, участвует в разговоре и т. п.).

Среди работающих узбечек есть и незначительная группа, желающая и ожидающая иметь пятерых и более детей. Самой распространенной моделью семьи среди опрошенных узбечек, согласно планируемому ими числу детей, является семья с тремя-четырьмя детьми. Характерно, что на однодетную семью не ориентировалась ни одна из женщин.

Татарки по демографическим характеристикам ближе к русским женщинам, чем к узбечкам, у них преобладает двух-трехдетная семья. Среди русских чаще всего встречается двухдетная семья, трехдетную и предпочитают, и собираются иметь большее число женщин, чем однодетную. Вообще у русских Ташкента один ребенок в семье — явление исключительное, и этим они отличаются от городского населения РСФСР. Более высокий уровень рождаемости у русских в городах Средней Азии, по сравнению с русскими РСФСР, отмечался в ряде этнодемографических работ¹³. Это не означает, что здесь для русских характерна многодетная семья; по полученным нами результатам речь идет только о преобладании двух-трехдетной семьи в отличие от преимущественно одно-двухдетной в других регионах расселения русских. Можно отметить,

¹¹ Под «модой» понимается вариант, который чаще всего встречается в статистическом ряду. См. Общая теория статистики. М.: Статистика, 1980, с. 176.

¹² Каштаненкова И. И. Формирование семьи и репродуктивные установки работников вузов. — В кн.: Управление развитием населения. Ташкент: Изд-во Ташк. ун-та, 1985.

¹³ Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М.: Статистика, 1975, с. 47—50; Бондарская Г. А. Указ. раб., с. 38.

что многодетные семьи (четыре-пять детей) у русских в Ташкенте встречаются чаще, чем, например, в Москве и Ленинграде. Расчеты, проведенные нами на основе первичных материалов загсов, показывают, что среди всех рождений четвертые составляют у русских в Ташкенте 1,1%, а пятые и выше — 0,7%. В Москве в 1965 г. (последняя дата, на которую у нас есть сопоставимая информация) четвертых рождений было 0,5%, а пятых и выше — 0,6%. В Ленинграде в 1970 г. последних было 0,2%¹⁴.

Социальное положение родителей в русских семьях Ташкента, в которых появляется третий и следующий по порядку ребенок, отличается от положения родителей в семьях с одним-двумя детьми. По данным загсов Ташкента, в 1980 г. среди женщин, имеющих одного и двух детей, 25,6% составляли служащие с высшим образованием, 41,9 — служащие со средним и средним специальным образованием, 14,7 — лица, занятые преимущественно физическим трудом (индустриальным и неиндустриальным), и 10,7% — временно не работающие и домохозяйки. В то же время среди имеющих трех детей — соответственно 11,1, 46,3, 28,3 и 14,2%. Среди имеющих четырех и более детей выше доля занятых неквалифицированным трудом и домохозяек и ниже доля служащих с высшим образованием (у них пятых и выше по порядку рождений вообще не зарегистрировано). Многодетность чаще встречается в определенных социальных группах, что еще более четко прослеживается при рассмотрении социального положения отца: самую значительную группу среди многодетных отцов составляют лица, занятые по преимуществу физическим индустриальным трудом.

Что касается узбечек, то, по данным загсов, дифференциация рождаемости по социальным группам у них выражена слабее, хотя общая закономерность остается той же. Доля служащих с высшим образованием среди матерей, имеющих одного и двух детей, составляет 23,0%, а среди имеющих четверых и более — 11,8%, доля же домохозяек составляет соответственно 28,4 и 42,1%. Среди узбеков-отцов многодетные имеются во всех социальных группах, и доля служащих с высшим образованием с ростом числа детей снижается незначительно. Наибольшую группу среди многодетных узбеков-отцов составляют все же занятые преимущественно физическим трудом — индустриальным и в сфере обслуживания.

Помимо различий в числе детей этническая специфика рождаемости проявляется и в особенностях темпов формирования семьи (по возрасту матери и по длительности брака). В демографической литературе многодетность связывается с традициями ранней брачности. Не оспаривая этот вывод по отношению к «традиционному типу» рождаемости, отметим, что в Ташкенте взаимосвязь между возрастом вступления в брак и уровнем рождаемости не столь прямолинейна. Так, здесь больше ранних браков (в возрасте до 20 лет) отмечается у русских женщин: по переписи 1979 г., доля состоящих в браке в самой молодой возрастной группе у русских в 1,5 раза выше, чем у узбечек. Вместе с тем диапазон возраста вступления в брак у русских шире, чем у узбечек, подавляющее большинство которых выходит замуж в 20—24 года.

Сокращение числа ранних браков и повышение возраста вступления в первый брак систематически происходит у всех послевоенных поколений женщин коренных национальностей Средней Азии и Закавказья.

Таблица 3

Повозрастная рождаемость у женщин
Ташкента в 1979—1980 гг., ‰
(число рождений на 1000 женщин
данного возраста)

Возрастные группы, лет	Узбечки	Русские
15—19	19,5	31,7
20—24	198,0	111,8
25—29	221,4	86,9
30—34	150,4	56,8
35—39	47,8	13,0
40—44	19,0	4,9
45—49	1,1	0,2

¹⁴ Сысенко В. Указ. раб., с. 35; Миняев В. А., Поляков И. В. Здравоохранение крупного социалистического города. М., Медицина, 1979, с. 46.

Наряду с этим первые браки «молодеют» у народов европейской части страны, в том числе у русских¹⁵. Эта тенденция проявляется не только в РСФСР, но и у русского населения Средней Азии.

Время вступления в брак влияет на распределение рождений в течение жизни. В табл. 3 приводятся рассчитанные по данным загсов по возрастные коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин данного возраста).

Как видно из таблицы, рождаемость у русских в самых молодых возрастах намного выше, чем у узбеков (что отчасти связано с отмеченным выше распространением ранней брачности). Более высокий уровень рождаемости у узбеков в последующих возрастных группах связан с большим по сравнению с русскими числом рождений у каждой женщины.

У русских первый ребенок в 13,1% случаев появляется у матерей моложе 20 лет, в 14% — у матерей старше 30 лет, большинство женщин (58,5%) становится матерями в возрасте 20—24 лет. У узбеков 65,7% первых рождений приходится на 20—24 года; в возрасте до 20 и старше 30 лет они относительно немногочисленны — 7,3 и 2,8%.

Второй ребенок рождается у узбеков тоже преимущественно в возрасте от 20 до 24 лет (57,6%), тогда как у русских чаще всего уже в следующей возрастной группе — в 25—29 лет. Появление третьего ребенка в русских семьях равновероятно как у матерей моложе 30 лет (44,4%), так и в 30—34 года (42,1%). Среди узбеков 84,2% матерей с тремя детьми моложе 30 лет; в этом же возрасте преимущественно происходит и четвертое рождение. Таким образом, темпы формирования семьи у узбеков выше (т. е. интервалы между рождениями детей меньше), и типичное число детей для узбеков трое-четверо, а для русских — двое-трое, достигается в большинстве случаев к 30—35 годам. Отсюда, по-видимому, можно сделать вывод, что запланированное число детей определяет интервалы между их рождениями, а следовательно, и возраст матери при рождении очередного ребенка.

Ориентация на определенное число детей (которую удалось выявить путем опроса) у узбеков происходит в первом поколении. В ходе опроса были получены сведения и о предыдущем поколении — о числе детей в семье родителей женщин и их мужей. Сравнение двух поколений позволяет выяснить, нарастают или сокращаются со временем различия в размере семьи у разных этнических групп, а также в какой степени младшее поколение отличается по числу детей от старшего (это вопрос о воспроизводстве традиций).

Нами учитывалось место рождения женщин-респондентов и их мужей. Поэтому данные о семьях родителей отражают демографическую ситуацию, которая наблюдалась в Ташкенте (если опрошенные были уроженцами города), а также в тех местностях, из которых происходят мигранты. Почти все узбеки являются уроженцами среднеазиатского региона, русские и татары родились в Средней Азии и в других регионах, в основном в РСФСР, т. е. в различной этнической среде. Однако сравнение русских и татар старожилов Средней Азии, с одной стороны, и недавних мигрантов из других регионов — с другой, не выявило существенных различий в числе детей у предыдущего поколения.

В семьях родителей узбеков-респондентов число детей иногда достигало 11—13, и многодетная семья преобладала независимо от типа поселения (по нашим данным, в городе семьи были даже более многочисленными, возможно, из-за меньшего уровня детской смертности — см. табл. 4). Заметных различий в размере семьи у родителей тех, кому на момент опроса было меньше 30 лет, и тех, кому было больше 30 лет, не отмечено. У работающих женщин Ташкента разрыв в числе детей с родительской семьей носит качественный характер — перехода от многодетности к планируемой семье с тремя-четырьмя детьми.

¹⁵ Ильина И. П. Тенденции брачности женщин СССР.— В кн.: Наши женщины. М.: Финансы и статистика, 1984, с. 28.

Таблица 4

Среднее число детей у родителей респондентов

Место рождения респондентов	Узбеки		Русские	
	возраст респондентов			
	моложе 30 лет	30 лет и старше	моложе 30 лет	30 лет и старше
Ташкент	5,67	5,78	2,42	2,98
Другой город	7,88	5,30*	3,11	3,14
Село	5,75	6,33	3,40	4,00

* Число наблюдений меньше 10.

У русских в семьях родителей число детей различалось в зависимости от места происхождения респондентов. Семья с пятью и более детьми встречалась в предыдущем поколении у выходцев из села, однако преобладала трех-, четырехдетная семья. У опрошенных нами мигрантов из города — в основном выходцев из Сибири и с Дальнего Востока (где снижение рождаемости началось позднее и шло медленнее, чем в европейской части России) в семьях родителей было преимущественно трое-четверо детей. Семья с меньшим (по сравнению с мигрантами) числом детей была у русских Ташкента. Таким образом, у русских от поколения к поколению наблюдается уменьшение числа детей. Это позволяет подтвердить гипотезу, что хотя под влиянием иноэтнической среды снижение рождаемости у русских в городах Средней Азии несколько замедлено, однако обратного процесса — повышения рождаемости — не происходит¹⁶.

У татар в предыдущем поколении многодетная семья сохранялась в сельской местности, горожане же и тогда отличались более низкой рождаемостью.

Размер семьи родителей в целом по поколению не воспроизводится их детьми, однако существует определенная преемственность между ожидаемым женщинами числом детей и числом детей в семьях их родителей¹⁷. Но эта связь не прямолинейна, так как на предпочтительный размер семьи кроме примера родительской семьи воздействуют и другие обстоятельства (влияние сверстников, микросреды и др.). Преемственность проявляется в самой общей форме. Например, среди узбеков, собиравшихся иметь двух детей, 26% были из двухдетных семей и 42% из семей с пятью и более детьми. Среди ожидавших пять и более детей 89% выросли в семьях с таким же или большим числом детей. Русские, ожидавшие одного ребенка, в 43% случаев сами были единственными детьми и примерно в 30% случаев выросли в двухдетных семьях. Половина тех, кто собирался иметь трех детей, происходила из малодетных семей, а 20% — из семей с пятью и более детьми. Если среди узбеков практически не было женщин, намеревавшихся иметь больше детей, чем имели их родители, то среди русских это распространенное явление. Тенденция к снижению рождаемости у русских дает себя знать только при сравнении двух поколений в целом, а среди узбеков, как правило, также при сравнении с семьей собственных родителей.

Другой аспект воздействия родственных связей на рождаемость — помощь, которую старшее поколение оказывает в уходе за детьми и их

¹⁶ См. Коротева В. В. Репродуктивное поведение этнических групп в инонациональной среде. — В кн.: Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985, с. 112.

¹⁷ Данный вопрос рассматривался в научной литературе на основе материалов регионов, в которых малодетность существует в ряде поколений и межпоколенная динамика невелика. См.: Бойко В. В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985, с. 132—133; Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984, с. 103—105; Савинов Л. И. Воздействие образа жизни родительской семьи на репродуктивные установки подростков. — В кн.: Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983.

воспитании. Эта помощь способствует более полной реализации репродуктивных намерений молодой семьи. Частота и характер помощи зависят от того, проживает ли молодая семья с родителями или отдельно. Здесь этнические традиции выражены весьма отчетливо. У узбеков молодые люди, создавшие семью, как правило, живут вместе с родителями мужа. По нашим данным, 71% замужних женщин до 30 лет живут с родителями мужа, 10% — со своими родителями, остальные — отдельно. У русских в этом же возрасте соответственно 29, 19 и 52%. Позднее часть узбекских семей отделяется от родителей: в возрасте старше 30 лет с родителями мужа живут 42% женщин, примерно столько же — отдельно. У русских число живущих отдельно с возрастом повышается до 75%. Половина татарок до 30 лет живет отдельно от родителей, а в более старшем возрасте эта доля увеличивается до 80%.

Совместное проживание с родителями у узбеков связано с тем, что, как правило, семья занимает отдельный дом с участком. Среди опрошенных нами женщин в отдельных домах проживало 55,1% узбечек, 11,8 русских, 8,7% татарок. Нуклеарные семьи живут преимущественно в отдельных квартирах¹⁸.

Наличие собственного дома (с участком), в котором живут несколько поколений, способствует сохранению некоторых черт сельского образа жизни: в крупнейшем городе могут существовать группы населения — носители негородского образа жизни¹⁹. В этих условиях даже при занятости в современном производстве внепроизводственная сфера жизни все же определяется нормами поведения, характерными именно для села, — тесным общением с соседями, совместным проведением семейных праздников, строгим контролем за поведением членов семьи. В районах частной застройки наиболее активно действует махалля как социальный институт, воздействующий и на семейные отношения²⁰. В этих районах проживает больше всего неработающих женщин, имеющих многодетные семьи.

Несмотря на относительную устойчивость данной ситуации, проявляется стремление молодежи к обособлению. Респондентам было предложено указать оптимальный, по их мнению, вариант — жить отдельно от родителей; вместе с ними; отдельно, но близко. Последний случай предусматривал, очевидно, не только автономность супружеской пары, но и возможность пользоваться помощью родителей. За этот вариант высказались 45% узбечек, 69% русских, 80% татарок. За то, чтобы жить отдельно, — 26% русских, 26% узбечек, 16% татарок. Доля желающих жить вместе минимальна у русских и татарок — около 4%, у узбечек — 28%, что свидетельствует о большем предпочтении узбечками тесного общения с родителями. Но даже эта цифра значительно меньше доли реально живущих совместно.

Если молодая семья не отделяется, то старшее поколение чаще помогает в уходе за ребенком. У узбечек родители в 95% случаев оказывали помощь молодым, если жили вместе с ними, и в 87% случаев, если жили отдельно; у русских соответственно в 90 и 66% случаев; у татарок — почти все живущие вместе с молодыми и более половины живущих отдельно. Проживание с родителями оказывает влияние на рождаемость у работающих женщин. Так, у узбечек — рабочих и служащих без высшего образования, живущих в нуклеарной семье, среднее ожидаемое число детей составляло 2,9, а у живущих совместно с родителями — 3,5.

¹⁸ В отношении узбечек связь между проживанием с родителями и в отдельном доме статистически значима (коэффициент ассоциации Юла равен 0,73). Методику расчета коэффициента см. Общая теория статистики..., с. 245.

¹⁹ Этносциальные проблемы города. М.: Наука, 1985, с. 49.

²⁰ О роли махаллы в современном среднеазиатском городе см.: *Моногорова Л. Ф.* Структура современной городской семьи таджиков (по материалам городов Ура-Тюбе и Исфара). — Сов. этнография, 1982, № 3, с. 16; *Гинзбург А. И., Кондратьев В. С.* Указ. раб., с. 203; *Ата-Мирзаев О. Б., Артыкбаев Р. Д., Каштаненкова И. И.* Проблемы развития городской семьи в Узбекистане. — В кн.: Региональные особенности воспроизводства населения и демографической политики. Ереван, 1983, с. 7.

Как выяснилось при нашем обследовании, родители воздействуют на формирование молодой семьи не только личным примером и помощью, но и советом, сколько надлежит иметь детей современной семье (такие советы давались примерно в половине семей). Точка зрения родителей в этом вопросе отражает в некоторой степени стереотипы общественного мнения. Названное родителями желательное число детей в большей мере связано с современными условиями, чем с теми, в которых складывалась их собственная семья. Существует мнение, что непременным условием снижения рождаемости является разрушение многопоколенной семьи, так как старшее поколение способствует сохранению норм многодетности²¹. Однако в Ташкенте многодетные родители-узбеки нередко советовали своим дочерям иметь двухдетную семью (такой совет получили 15% женщин старше 30 лет и 27% моложе 30 лет); за многодетную семью (с пятью и более детьми) высказались родители соответственно 38 и 21% женщин.

У русских женщин моложе 30 лет 14% родителей а старше 30 лет — 8% родителей считали желательной однодетную семью, двухдетную — 47% и 58%. Родители женщин старше 30 лет порой высказывались в пользу четырехдетной семьи, а родители женщин моложе 30 лет считали, что максимальное желательное число детей — трое. У татарок родители женщин моложе 30 лет предпочитали двухдетную семью, а старше 30 лет — как двухдетную, так и трех-, четырехдетную.

Мы пользовались принятым в демографии делением семей на мало- (один-два ребенка), средне- (три-четыре) и многодетные. Однако в обыденном сознании существуют свои представления о малодетности и многодетности, причем эти понятия часто имеют оценочный характер. Так, в Москве многодетной считается уже трехдетная семья, а пропаганда семьи с большим числом детей встречает психологическое сопротивление²². Этот стереотип в свою очередь воздействует на реальное поведение, так как для многодетной семьи нужна сильная мотивация. В Ташкенте же, где многодетность — массовое явление среди ряда национальностей, сами критерии многодетности иные. На наш вопрос о том, какую семью считать малодетной и многодетной, ответили 46% опрошенных узбечек и 88% русских. Около половины узбечек считают малодетной однодетную семью, треть — двухдетную, а 16% даже трехдетную. 80% русских малодетной назвали семью с одним ребенком, остальные — с двумя детьми. Примерно одинаковая доля узбечек и русских считает многодетной семью с тремя и четырьмя детьми (у узбечек — 16 и 23%, у русских 18 и 29%). Однако наиболее часто русские называют многодетной семью с пятью детьми (38%), а узбечки — с шестью и более (с 7—8, иногда с 10—13 детьми).

Можно предполагать, что более высокий по сравнению с городами других регионов уровень рождаемости у русских Ташкента отчасти связан с этими представлениями о малодетности и многодетности. От русских не раз приходилось слышать: «Один ребенок — не ребенок, два ребенка — полребенка, три ребенка — ребенок». Это слегка переделанная старинная русская поговорка, где вместо слова «ребенок» раньше стояло «сын».

Вообще для более глубокого понимания этнических особенностей поведения, в том числе демографического, учет социально-психологических моментов очень важен. Частично это показано в данной статье, за рамками которой, однако, остались изучавшиеся нами мотивация репродуктивного поведения (мотивы рождения и отказа от него); место детей в системе ценностей, как семейных, так и внесемейных; расхождения между репродуктивными установками супругов и др. Эти проблемы требуют специального изложения.

²¹ Караханов М. К. Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. Ташкент: Фан, 1983, с. 149—150; Ата-Мирзаев О. Б. Актуальные задачи..., с. 6.

²² Киселева Г. П., Шилова Л. С. Общественное мнение о проблемах рождаемости. — В кн.: Социально-демографические исследования..., с. 166.

Все сказанное свидетельствует о том, что в условиях крупного социалистического города происходит процесс сближения разных национальностей в сфере демографического поведения. На этот процесс воздействует целый ряд социальных и собственно этнокультурных факторов. Именно от них зависит сохранение имеющихся различий в рождаемости и их постепенное стирание. Данные вопросы органически вписываются в проблематику этнографического и этносоциологического изучения современного города.

Т. А. Бернштам

К РЕКОНСТРУКЦИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ПЕРЕХОДНЫХ ОБРЯДОВ СОВЕРШЕННОЛЕТΙΑ

Русские традиционные молодежные игры мало исследовались этнографами; вместе с тем для фольклористов и музыковедов песенно-плясовой и инструментальный аспекты игр являются постоянным объектом внимания, главным образом с точки зрения их жанровой специфики и художественно-музыкальных связей внутрижанровой системы¹.

Реконструкция игровой культуры на позднем (XIX—XX вв.) материале связана с особыми трудностями. Пользуясь описаниями этого времени, мы, как правило, имеем дело не со строго ритуальной ситуацией (как, скажем, в свадьбе), сохраняющей архаическое смысловое сакральное ядро, а с весьма неоднородным и динамичным явлением, значительная часть которого (главным образом, фольклорные формы) не была ситуативно стабильной и варьировала сюжетно. Именно поэтому она получила в науке название «необрядовой» — термин, почти тождественный понятию «игровой».

Об игре и игровой культуре в целом имеется обширная отечественная и зарубежная литература. В настоящей статье, исходя из наших задач, считаем необходимым напомнить, как употреблялось понятие «игра» в позднетрадиционной русской (крестьянской) среде (и в целом у восточных славян). Во-первых, народные термины «игра, играть» обозначали поведение молодежи во всех бытовых и ритуальных ситуациях: формы совместного труда (в поле, в лесу, на девичьей посиделке), отношения между полами, гадания, участие в календарных ритуалах и проч. Во-вторых, «игрой» назывались ритуалы, имеющие отношение к молодежи (например, «играть свадьбу»), а также те, в которых участвовали молодежь и взрослые (некоторые календарные обряды). В-третьих, «играть» означало «петь» и разыгрывать действие «по песне» — это касалось всех половозрастных групп. Сосуществование обоих слов — «играть» и «петь» как синонимов — породило смешанную терминологию типа *играм играть*², *играть по песням, петь играя* и т. п. Слова *игра-играть* восходят к слав. *grajb/graja, — grajati, обозначавшим в первую очередь птичий звук (грай, крик, свист) и возбужденное состояние птичьей стаи (шум, гомон и т. д.), а в переносном смысле эти слова относились к таким формам поведения людей, как смех, шум, баловство, брань, драка; важная роль звука в семантике этих слов отразилась в одном из их значений — напев/мелодия³. Первичность природных значений терминов (мир птиц) дает основания думать о «при-

¹ Одна из лучших работ: Руднева А. В. Курские танки и карагоды. Таночные и карагодные песни и инструментальные пьесы. М.: Сов. композитор, 1975.

² См., например: Архив Гос. музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ), фонд Тенишева, ф. 7, оп. 1, д. 621, л. 6, Костромская губерния, Чухломский уезд.

³ Этимологический словарь славянских языков (далее — ЭССЯ), вып. 7: М.: Наука, 1980, с. 101—102.